

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В XXI ВЕКЕ

DOI:10.17805/zpu.2020.3.2

О понимании социальной природы имитаций в высшей школе

Н. А. СЕЛИВЕРСТОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На материалах интервьюирования преподавателей и студентов московских университетов (октябрь 2018 г. — май 2019 г.) анализируется понимание природы имитации образовательных практик в высшей школе. Рефлексия имитации образовательных практик преподавателями противоречива: признание факта имитации сопровождается отрицанием девиантной природы явления. Студенты подтверждают девиантную природу имитации образовательных практик, полностью возлагая ответственность за имитацию на преподавателей (1) или разделяя ее с ними (2). Кроме того, данное явление студентами рассматривается как отклонение от нормы, так как в этом случае они не получают знаний в полном объеме, что нарушает их права.

Оценки влияния Интернета на масштаб и разнообразие форм имитации образовательных практик неоднозначны: это инструмент, который может быть использован в разных целях (1), или условие увеличения различных имитаций (2). Автор делает вывод о необходимости выравнивания цифровой грамотности преподавателей и студентов.

Ключевые слова: высшая школа; имитация образовательных практик; девиация; коррупция; преподаватель; студент; Интернет

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье завершается анализ материалов гайд-интервью¹ с преподавателями и студентами московских университетов по проблеме имитаций в высшей школе, проведенного автором в октябре 2018 г. — мае 2019 г. В предыдущих публикациях описаны субъективные смыслы имитаций, их риски, имитации в магистратуре, отношение к заочному и дистанционному образованию (Селиверстова, 2019), формы имитации образовательных практик, условия их распространения, отношение участников образовательного процесса к имитации образовательных практик (Селиверстова, 2020).

Итак, как уже отмечалось ранее, фокус исследования был направлен на участников образовательного процесса: преподавателей и студентов московских университетов социально-гуманитарных направлений. Стаж преподавательской деятельности информантов составил от 10 до 34 лет. Из числа студентов к участию в исследовании были приглашены обучающиеся четвертых курсов бакалавриата и первых курсов

магистратуры. Информанты из обеих групп представили государственные и негосударственные университеты. В группе преподавателей 6 женщин и 4 мужчины, студентов — соответственно 5 и 5. Было проанализировано по 10 завершенных интервью преподавателей и студентов². Интервью проводилось по технологии Б. З. Докторова посредством электронной почты (Докторов, 2016: Электронный ресурс) Метод исследования — «гайд-интервью». Цель данной статьи заключается в том, чтобы (а) проанализировать понимание природы имитаций в высшей школе основными участниками образовательного процесса; (б) рассмотреть Интернет как условие имитации образовательных практик.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ж. Бодрийяр, активно разрабатывавший проблематику социальных имитаций, симуляций и симулякра как их результата, различал имитации и притворство. Симуляция ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», «реальным» и «мнимым» в отличие от простого притворства (Бодрийяр, 2015: 8). Согласно Ж. Делезу, природа симулякра девиантна, ибо он представляет собой «внешний и вовсе не продуктивный результат подобия» и получен «за счет хитрости, уловки или ниспровержения» (Делез, 1998: 231). Девиантная природа симулякра сопряжена со сферами жизнедеятельности общества. Есть сферы, в которых нельзя имитировать или нельзя это делать безнаказанно. Ж. Бодрийяр иллюстрирует данное положение таким примером, как захват заложников в банке (банк — как раз пример такой сферы). «Излюбленными территориями симуляции» он называет медицину и армию (Бодрийяр, 2015: 9). Но и высшая школа — признанное пространство для имитации деятельности. Подмена действий преподавателем университета по передаче комплекса знаний, умений, навыков и социальных ценностей, идеалов, культурных образцов студентам формальным воспроизведением процедур, демонстрацией соблюдения установленного хода образовательного процесса, и студентом по освоению названного комплекса — практики распространены. Данные практики подпадают под определение девиации: «...социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» (Гилинский, 2004: 9).

Прогноз Бодрийяра о симулякрах, продуцируемых университетами, сбывается, и он универсален для большинства современных обществ: «университетские ценности (дипломы и т. д.) будут множиться и продолжат циркулировать подобно «блуждающему капиталу» или евродолларам, они будут вращаться по кругу, лишённые всякого критерия референтности, пока полностью не обесценятся, однако это не имеет значения: одного лишь их обращения достаточно для того, чтобы создать социальный горизонт ценности...» (Бодрийяр, 2015: 203).

Каково тем, кто внутри университета? Тем, кто так или иначе участвует в воспроизводстве имитации образовательных практик или наблюдает их? Насколько университет выполняет функции института социализации? Бодрийяр так пишет о нем как месте взросления: «...университет остается местом безнадежной инициации, приобщения к пустой форме ценности, и тот, кто находится в нем на протяжении нескольких лет, знаком с этим странным процессом, с настоящей безнадежностью “нетруда” и “незнания”. Ведь нынешние поколения еще мечтают читать, изучать, состязаться в знаниях, однако уже не готовы вкладывать в это всю душу, — одним словом, аскети-

ческая культурная ментальность исчезла вместе с телесной и имущественной аскезой» (там же: 204). Однако готовность студента учиться в полную силу, его признание учебы на продолжительное время своим основным занятием в жизни должны соотноситься со способностями к обучению и наличием базовых знаний. А с этим большая проблема. Категория «необучаемых студентов» стала объектом социологических исследований (Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015). Кроме того, по данным психологических исследований, такие формы имитации образовательных практик, как списывание и плагиат, связаны со следующими предикторами: представлениями о честности среды, распространенности этих практик среди одногруппников (Шмелева, Семёнова, 2019). При этом использование плагиата в отличие от списывания не зависит от угрозы возможных санкций со стороны преподавателя (там же).

Ж. Бодрийяр считает, что эта «ловушка» появилась после 1968 г., «когда начали выдавать дипломы всем подряд... Мы в очередной раз стали инициаторами передовой формы, формы ценности в чистом виде: дипломов без научного труда. Системе они уже не нужны, ей нужны рациональные ценности, обращающиеся в пустоте, — и мы были теми, кто положил этому начало, с иллюзией, что выполняем противоположное» (Бодрийяр, 2015: 205). Как было описано ранее, зафиксировано негативное отношение к имитации образовательных практик в обеих группах информантов (преподавателей и студентов) (Селиверстова, 2020: 75–76), но при этом ситуация используется отдельными преподавателями и студентами для «облегчения» своего пребывания в университете. Каково же понимание природы имитаций основными участниками образовательного процесса?

ОСОЗНАНИЕ ДЕВИАНТНОЙ ПРИРОДЫ ИМИТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

В сознании преподавателей отсутствуют представления о соотношении имитаций образовательных практик и каких-либо нелегитимных (незаконных) действий вплоть до коррупции. Варианты представлений преподавателей, выделенные в процессе анализа материалов интервью: (1) это однозначно разные практики; (2) сами имитационные практики не являются нелегитимными действиями, но выступают их стимулом (коррупции); (3) в условиях политики сохранения контингента студентов имитация образовательных практик не может рассматриваться как действие незаконное. Когда я попросила сосредоточиться на соотношении имитации образовательных практик и нелегитимных действий в контексте Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 273) с приведением фрагмента ст. 48 «Обязанность и ответственность педагогических работников», то ситуация с пониманием девиантной природы рассматриваемого явления не изменилась. Требования к преподавателям «осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне... развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира... применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания...» рассматриваются информантами как декларативные («...напоминают первомайские лозунги»; «как измерить качество образования? Это субъективно», «...это скорее идеал...», «...эта норма (этот пункт) закона носит сугубо декларативный характер»³ и т. д.). Пункт ст. 48 Федерального закона № 273 о развитии у обучающихся познавательной

активности, самостоятельности и т. д. оценен в контексте интервьюирования следующим образом: *«сам пункт — это имитация регламентации педагогической деятельности... Ну, и, естественно, имитирует ли преподаватель выполнение этого пункта или нет, образовательных практик, определить невозможно. Только субъективно — если сам преподаватель знает, что может лучше, но не делает (по каким-то причинам), значит, есть имитация, если выкладывается полностью (на своем уровне), значит, имитации нет»* (М., кандидат наук, стаж преподавательской деятельности — 34 года, государственный университет). Перевод имитации образовательных практик в плоскость сугубо субъективной оценки вряд ли можно считать обоснованным, есть объективные показатели имитации образовательных практик, и они названы (Селиверстова, 2019; Селиверстова, 2020). Другая точка зрения в отношении ст. 48 Федерального закона №273 связана с тем, что в условиях модернизации содержания и структуры высшего образования и одновременно становления его модели, сочетающей государственные и рыночные механизмы регулирования, эти требования невозможно выполнить. *«Как мы можем “осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне”, если нижняя граница тройки — 50 баллов, а за посещаемость (и ответы) студент может набрать 50–60 баллов... в реальности... принято ставить тройки только за посещение. То есть достаточно ходить и сидеть, и мы должны ставить за это тройки. Далее, если не ходил даже, и мы ставим “неуд”, нам говорят (учебное управление), что мы должны дать студенту (т. е. придумать специально...) какое-то задание, которое он выполнит, а мы за выполнение задания поставим ему ту же тройку... у небольшой части толковых студентов есть что развивать... Но чем больше становится нерадивых студентов и не способных к обучению, тем больше ты на них ориентируешься, а не на толковых, и качество образования опять-таки падает. Нет уже критической массы хороших студентов»* (Ж., доктор наук, стаж преподавательской деятельности — 27 лет, государственный университет).

Студентам вопрос о соотношении имитации образовательных практик и каких-либо нелегитимных (незаконных) действий задавался без продолжения (просьбы вернуться к нему в контексте Федерального закона №273), за исключением интервьюирования одной студентки. Это важное в методическом отношении уточнение. Итак, представления студентов, выделенные на основе их ответов на вопрос о соотношении имитаций образовательных практик и каких-либо нелегитимных (незаконных) действий: (1) имитация образовательных практик соотносится с нелегитимными действиями, если рассматривать имитацию как некачественную работу преподавателя, за которую следует нести ответственность; (2) имитация образовательных практик соотносится с нелегитимными действиями, так как в этом случае студенты не получают знания в полном объеме, соответственно, нарушаются их права; (3) если и соотносится, то косвенно, отсутствие мотивации к получению высшего образования в группе студентов провоцирует данное явление, и нельзя всю ответственность возлагать только на преподавателей. Определенность студентов в отношении характера имитации образовательных практик иллюстрируется ответом студентки, с которой интервью было проведено в расширенном варианте: *«Конечно, процитированные статьи закона “Об образовании” полностью исключают имитации образовательных практик в процессе обучения. Очень хотелось бы на этом закончить ответ, но налицо противоречие: повсеместная практика имитации обучения существует открыто и не преследуется законом, а значит, соответствует ему? Напи-*

сать, что мы живем в неправовом государстве, Наверное, слишком радикально (по крайней мере, это точно за рамками темы исследования), хотя это один из возможных вариантов ответа» (Ж., первый курс магистратуры, негосударственный университет).

В отношении студенческих ассоциаций имитации образовательных практик с коррупцией можно говорить о двух вариантах: (1) однозначные ассоциации с коррупцией; (2) с коррупцией имитация образовательных практик не ассоциируется, так как преподаватель не получает прямой материальной выгоды, если только речь не идет о «продаже» зачета/экзамена, выпускной квалификационной работы. Информанты в обеих группах не смогли вспомнить случаев коррупции, хотя теоретически допускали ее возможность преимущественно в связи с выпускными квалификационными работами. Я же полагаю, что коррупционные схемы практически не совместимы с политикой сохранения контингента, которую проводят университеты.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИМИТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Оценка роли Интернета относительно роста масштабов и разнообразия форм имитации образовательных практик неоднозначна. По мнению преподавателей, это инструмент, который может быть использован как для повышения качества высшего образования (доступ к электронным библиотекам, в том числе зарубежным, базам данных и т. д.) или его интенсификации (обмен заданиями/ответами по электронной почте, группы в социальных сетях и т. д.), так и для имитации образовательных практик. Более того, в цифровую эпоху для преподавателя возникает ситуация, в которой он нужные знания, фактический материал, информацию получает очень быстро, также оперативно он может познакомиться с опытом работы коллег (чтение рабочих программ дисциплин, аудио-, видеокурсы занятий, учебные пособия и т. д.), но все названные материалы доступны и студентам (теоретически только мотивированным), что налагает на преподавателя определенную ответственность. Иллюстрация из интервью: *«Инет (Интернет. — Н. С.) от преподавателя требует больших трудозатрат, информация доступна всем, а значит, простое копирование — не выход! Нужно ее использовать, так как не предлагается в Инете» (М., кандидат наук, стаж педагогической деятельности — 34 года, государственный университет).* После распространения социальных сетей возникла проблема взаимодействия преподавателей и студентов и «зависания» в них студентов. *«...Студенты — все резко ушли в сети (2 года точно, может быть, 3 года назад). А там формат и общения, и чтения, и обсуждения совсем иной. Теперь от них письма приходят без обращения, без подписи, они уверены, что так можно со всеми на свете общаться. Они ночью напишут вопрос, а утром уже истерят — Вы видели? Почему не отвечаете? Этот формат вообще не предусматривает постоянного, последовательного обучения. Там не получается конструкция: дать задание (разными форматами лекций, посылком за самообразованием, анализом) — выполнить задание. Они присылают в ответ на задание полуфабрикаты, найденные где-то, и просто требуют, чтобы преподаватель был коучем, т. е. пошагово работал с каждой строчкой, абзацем. И, конечно, начинаешь понимать, что это ты — преподаватель будешь до ума доводить его лабуду, чтобы ему же за нее баллы поставить. А в голове у него ничего при этом не останется, и навыков не получит он» (Ж., доктор наук, стаж педагогической деятельности — 28 лет, государственный университет).*

Пример имитации, обусловленной Интернетом, и вариантов реакции на нее есть в другом интервью, но это не собственный опыт, а кейс из практики коллеги и его осмысление: *«Одной коллеге прислал студент реферат. По весу файла — какой надо. А когда она его открыла, там были только скачущие лошади... Она его вернула с возмущением, а студент очень удивился, что она его открыла. Значит, другие преподаватели даже не открывают...»* (Ж., доктор наук, стаж педагогической деятельности — 27 лет, государственный университет).

Выделена еще одна проблема в связи с распространением Интернета для преподавателей, прежде всего со стажем работы более 20 лет, которая заключается в том, что они обладают недостаточными инструментальными знаниями и навыками работы в Интернете. *«В инструментальных знаниях студент всегда на шаг впереди преподавателя, во всяком случае, в нашей социогуманитарной области знаний»* (Ж., кандидат наук, стаж педагогической деятельности — 21 год, государственный университет). Что касается письменных работ, то студенты, безусловно, этим пользуются: «договариваются» с бесплатными программами «Антиплагиат», внося в текст различные технические символы, меняя раскладку в середине слова с кириллицы на латиницу и т. д., или обращаются к интернет-ресурсам с функцией редактирования. Конечно, в университетах есть такая форма противодействия, как проверка чистового варианта письменных работ обучающихся в лицензионной программе «Антиплагиат», но это имеет отношение только к выпускным квалификационным работам. Среди студентов есть те, кто солидарен с преподавателями в оценке влияния Интернета на масштабы имитации образовательных практик и разнообразие их форм, и те, кто однозначно рассматривает Интернет как условие увеличения масштабов имитации образовательных практик и разнообразия их форм. Вариант использования Интернета для имитации подготовки к занятиям довольно детально представлен в следующем фрагменте интервью: *«...подготовка доклада сводится к переходу по первой же ссылке в онлайн-поисковике. При этом вероятность того, что студент прочтет найденный материал и проверит указанные в нем статистические данные или факты до ответа на занятии, постепенно сводится к нулю. Нередко студенты приходят на занятия без подготовленного ответа и ищут материал непосредственно на паре, в то время как один из их товарищей отвечает свой доклад или пока преподаватель произносит вступительную речь»* (Ж., первый курс магистратуры, негосударственный университет). Форма собственности университета не является фактором имитации образовательных практик. *«А в плане ответов на занятии, когда студенты вопросы гуглят (ищут в поисковой системе Google. — Н. С.) прямо на занятии и с сайтов же зачитывают спокойненько, и это считается нормальным и им никто не делает замечание, это большая беда. Потому что в головах не остается ничего, это раз. Баллы за это ставятся незаслуженно, это два. В принципе мозги расслабляются и перестают нормально думать и анализировать — три. Еще и чувство несправедливости у тех студентов, которые не додумались загуглить. А преподавателям, как мне кажется, тоже уже не очень хочется делать замечания, запрещать читать с экрана и т. д., потому что тогда опрос очень затянется и не хватит времени на что-то еще или не успеют все разобрать»* (Ж., первый курс магистратуры, негосударственный университет). Если и применять такие формы заданий, как доклады и рефераты, то, вероятно, их подготовку нужно ограничивать конкретным перечнем используемых источников (монографий, научных статей и т. д.). В подготовке к зачетам/экзаменам студенты прибегают к помощи социальных сетей. *«Социальные*

сети стали еще одним помощником студента. С появлением функции создания групповых чатов возник соблазн делить вопросы к зачету/экзамену между всеми участниками группы, чтобы собирать материал не по шестидесяти вопросам, а, скажем, по двум. Далее материал “сбрасывается” в один документ, доступ к которому имеют все участники чата. В итоге мы имеем одну большую шпаргалку, на подготовку которой уходит минимум времени. Естественно, опыт ее подготовки и применения не всегда оказывается удачным» (Ж., первый курс магистратуры, негосударственный университет).

Студенты практически единодушны в том, что тотальная доступность информации обесценивает ее. Участники образовательного процесса в обеих группах в связи с Интернетом отметили следующее явление в студенческой среде как устоявшееся: убежденность студентов в том, что абсолютно все (все ответы на возникающие вопросы и задачи) можно найти в Интернете, когда «понадобится», когда «возникнет практическая необходимость». Знание в молодежной среде потеряло статус уникального результата, сложилось представление о том, что в любой момент можно все «загуглить». Речь идет не только о знаниях, но и о различных технологиях, алгоритмах решения конкретной учебной задачи. Это оправдание отказа от выполнения задания в варианте, предложенном преподавателем, ведущее к его формальному исполнению, т. е. имитации. Очевидно, что названный аргумент используют студенты с низкой или отсутствующей мотивацией к обучению, шире — «необучаемые» студенты (Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015). Имитации в выполнении заданий по дисциплинам, маркируемым студентами как «ненужные», можно рассматривать в контексте рационализации деятельности. Действительно, если молодежь не видит смысла в каких-либо обязательных действиях, то она их имитирует (Зубок, Чупров, Дивненко, 2016: Электронный ресурс). Но в данном случае нет оснований подобные поведенческие реакции относить к рационализации социальной реальности, если только самообман не рассматривать как форму рационализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имитация образовательных практик и качество высшего образования — явления кардинально противоположные, несовместимые. Тот факт, что преподаватели, в отличие от студентов, рассматривают имитации образовательных практик вне правового поля, не признавая их девиантную природу, отражает следующие варианты понимания реальности. Во-первых, непризнание очевидного факта — это простая защитная реакция, во-вторых, это неприятие законодательных норм в благоприятных условиях для формирования и воспроизводства имитации образовательных практик, сложившихся в результате процессов модернизации высшего образования и становления его модели, включающей механизмы государственного и рыночного регулирования (примерно как «в условиях войны нормы мирного времени не действуют»). В сфере высшего образования имитации образовательных практик не сопровождаются сколь-нибудь значимыми санкциями для участников образовательного процесса. Преподаватель, применяя различные формы имитации образовательных практик, выдерживает непомерно высокую нагрузку и обеспечивает собственную занятость, студент достигает поставленной цели: от минимизации трудозатрат на выполнение «неинтересного» задания до диплома о высшем образовании. Полагаю, что преподаватели иначе бы среагировали на данный вопрос, если бы использовалась более привычная и не столь жесткая формулировка вопроса о соотношении имитаций образо-

вательных практик и каких-либо незаконных, нелегитимных действий. Ведь очевидно, что это отклонение от нормы.

Что касается Интернета как условия имитации образовательных практик, то, безусловно, нужно решать проблему выравнивания цифровой грамотности преподавателей и студентов. Кроме того, Интернет, как объективное условие профессиональной деятельности, вынуждает преподавателя к постоянному творчеству в разработке заданий, но как ему выделить время на интерактивную креативность в рамках своей дисциплины, если объем нагрузки запределен?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В заключительной статье рассматриваются следующие темы гайда: оценка роста масштабов имитации образовательных практик в связи с развитием Интернета, понимание девиантной/делинквентной природы имитации образовательных практик преподавателями и студентами, их отношение к исследуемому явлению.

² Кроме того, в анализе учтены и тексты четырех незавершенных интервью с преподавателями и трех — со студентами.

³ Здесь и далее фрагменты из интервью даны в редакции информантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрийяр, Ж. (2015) Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова М. : Издательский дом «Постум». 240 с.

Гишинский, Я. И. (2004) Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

Делез, Ж. (1998) Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей. 320 с. С. 225–240.

Денисова-Шмидт, Е. В., Леонтьева, Э. О. (2015) Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. №9. С. 86–93.

Докторов, Б. З. (2016) Современная российская социология: Историко-биографические поиски : в 9 т. М. : ЦСПиМ. 5901 с. с илл. 1 электрон. опт. диск [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4595> (дата обращения: 12.01.2020).

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И., Дивненко, О. В. (2016) Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся реальности [Электронный ресурс] // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке : материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 года / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт. 1634 с. С. 260–263. URL: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100.pdf (дата обращения: 05.01.2020).

Селиверстова, Н. А. (2019) Имитации в высшей школе: проблема модернизации? // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 65–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.4.5>

Селиверстова, Н. А. (2020) Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. Т. 46. №3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5

Шмелева, Е. Д., Семенова, Т. В. (2019) Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. №3. С. 101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129

Дата поступления: 15.05.2020 г.

ON THE UNDERSTANDING OF THE SOCIAL NATURE
OF IMITATIONS IN HIGHER SCHOOL
N. A. SELIVERSTOVA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper is based on the interview materials with lecturers and students at Moscow universities (October 2018 — May 2019) and analyses the understanding of the nature of imitation of educational practices in higher school. Lecturers demonstrate contradictory reflection of imitation of educational practices: the recognition of the fact of imitation is accompanied by the denial of its deviant nature. Students confirm the deviant nature of imitation of educational practices, placing full responsibility for imitation on lecturers (1) or sharing it with them (2). In addition, students consider this phenomenon to be departure from the norm, since they do not gain knowledge to the full extent, which violates their rights.

The estimates of the Internet influence on the scale and variety of forms of imitation of educational practices are ambiguous: it is a tool that can be used for different purposes (1), or a condition for the increase in various imitations (2). The author concludes that the levels of digital literacy of lecturers and students need equalizing.

Keywords: higher school; imitation of educational practices; deviance; corruption; lecturer; student; Internet

REFERENCES

Bodriyjar, Zh. (2015) *Simulyakry i simulyaciya* / transl. from French by A. Kachalova. Moscow, Izdatel'skiy dom «Postum». 240 p. (In Russ.).

Gilinskii, Ia. I. (2004) *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistva i drugih otkionenii*. St.-Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press. 520 p. (In Russ.).

Deleuze, J. (1998) Platon i simuliakr. In: *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* / comp. by E. A. Naiman and V. A. Surovtsev. Tomsk, Vodolei. 320 p. Pp. 225–240. (In Russ.).

Denisova-Shmidt, E. V. and Leontyeva, E. O. (2015) Kategoriya «neobuchayemykh» studentov kak sotsialnyi fenomen universitetov (na primere dalnevostochnykh vuzov). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 9, pp. 86–93. (In Russ.).

Doktorov, B. Z. (2016) *Sovremennaya rossiyskaya sotsiologiya: Istoriko-biograficheskie poiski*. In 9 vol. / ed. by B. Z. Doktorov, A. N. Alekseev and E. I. Grigor'eva. CD. Moscow, TsSPiM. 5901 p. (In Russ.).

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. and Divnenko, O. V. (2016) Simulyativno-imitatsionnye formy ratsionalizatsii kak novye kompetentsii molodezhi v izmeniyushchiesya realnosti. In: *Rossiyskoe sotsiologicheskoe soobshchestvo: istoriya, sovremennost', mesto v mirovoy nauke/ Materialy nauchnoy konferentsii k 100-letiyu Russkogo sotsiologicheskogo obshchestva imeni M. M. Kovalevskogo 10–12 noyabrya 2016 goda* / ed. by Yu. V. Asochakov. St.-Petersburg, Skifiya-print. 1634 p. Pp. 260–263 [online] Available at: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100.pdf (accessed: 05.01.2020). (In Russ.).

Seliverstova, N. A. (2019) Imitatsii v vysshei shkole: problema modernizatsii? *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 65–77. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2019.4.5>

Seliverstova, N. A. (2020) Imitatsiya obrazovatel'nykh praktik v sfere vysshego obrazovaniya. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 46, no. 3, pp. 71–77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008802-5

Shmeleva, E. D., Semenova, T. V. (2019) Akademicheskoe moshennichestvo studentov: uchebnaia motivatsiya vs obrazovatel'naya sreda. *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, pp. 101–129. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129

Submission date: 15.05.2020.

Селиверстова Нина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: nseliverstova@mosgu.ru

Seliverstova Nina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Professor, Professor Department of Philosophy, Sociology and Culturology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: nseliverstova@mosgu.ru